

↑ Алесандр Фадеев (справа) с сестрой Татьяной и братом Владимиром.
Японское фотоателье Эймацу Хосита, Владивосток, 1914 год

Мы четверо – «три мушкетера и д'Артаньян», как мы шутя называли нашу четверку, – были зачислены в Сучанский отряд рядовыми бойцами, в Новолитовскую роту, и ушли на побережье к устью Сучана, где получили настоящее боевое крещение.

Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически.

Мы полны были пафоса освободительного, потому что над Сибирью и русским Дальним Востоком утвердилась... власть адмирала Колчака... Мы полны были пафоса патриотического, потому что родную землю топтали подкованные башмаки интервентов.

...Дружил я с одним своим одноклассником – Шурой Дрекаловичем. У их родителей... были большие хутора: у отца Жени, лесного ревизора, – под Шкотово, у Кравченко – в деревне... по ту сторону Уссурийского залива... а у Дрекаловича – по эту сторону Уссурийского залива... Мне фатально пришлось участвовать в 1919 году в разорении партизанами всех трех этих хуторов! Хутора эти... служили базой для командования белых карательных экспедиций...

В амбарах было много хлеба, а в конюшнях, пунях и хлевах – немало лошадей, коров, свиней, – все это было захвачено для партизанских отрядов... К чести моей сказать, я не испытывал решительно никаких угрызений совести. Никого из хозяев... не было уже на хуторе, но прислуга и работники Хомяковых меня узнали и пытались через меня отстоять хозяйское добро. Пришлось мне прочесть им целую лекцию о революционной законности.

Кое-кого из бывших товарищей мы теперь, не дрогнув, расстреляли бы... иных мы презирали, об иных сожалели, что дороги наши пошли врозь.

Я очень быстро повзрослел, обрел качества воли, выдержки, политически обогнал свое поколение на несколько лет, научился влиять на массу, преодолевать отсталость... Постепенно вырастал в еще хотя и маленького по масштабам, но политически все более сознательного руководителя. Тут начался первый, страшный разгром партизанского движения японскими силами... потянулись недели тяжелых поражений, потеря, голодовок.

Спасск, городок моего детства, где я могу ходить с завязанными глазами... Каждый год весной

† «Сонолята». Стоят Павел Цой, Алесандр Фадеев, сидят Янов Голомбин, Петр Нерезов, Григорий Билименно, Алесандр Бороднин. 1917–1918 годы, Владивосток

и осенью я проезжал через этот маленький городок, чтобы попасть из училища домой или из дома в училище... А в апреле 1920 года, в ночь японского выступления, мне пришлось даже сражаться за этот маленький городок, и я был в первый раз ранен на одной из его улиц; об этом теперь почему-то тоже очень приятно вспоминать.

Снова нависала угроза возвращения белой власти... Сергей Лазо вместе с моим старшим двоюродным братом Всеволодом Сибирицевым был сожжен японцами в паровозной топке – и вот я вновь попал во Владивосток... Это была вторая половина августа и первая сентября 1920 года. Стояла чудесная, солнечная погода. Я... был просто влюблен в этот солнечный Владивосток с окружавшими его сверкающими от солнца бухтами и заливами. Мне так не хотелось уезжать, но нам – мне, Игорю и Тамаре Головниной – предстояло по фальшивым документам с китайскими визами ехать через Гродеково, Харбин, Сахалин в Благовещенск.

Я участвовал в ликвидации атамана Семенова в качестве комиссара полка – почти каждый разъезд, каждая станция бралась нами с жестокими боя-

ми. Мороз стоял в ту пору 30–40°, люди были плохо одеты и обуты, отмораживали руки, ноги и слепли от белизны снега на сверкающем солнце.

Я попал в бригаду Тетерина-Петрова, когда она... наступала на Даурию. Помню этот великолепный ночной бой, артиллерийскую дуэль, взорвавшуюся церковь, – она была начинена снарядами.

В голове... кошмарный винегрет: погибли Санька, Фельдман, Игорь, Харитоша, Серобабин, ранен Володя маленький, поморозились Гришка и Хомяков, ампутированы ноги у Никитенко...

Как писатель своим рождением я обязан этому времени. Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка.

«Любовь вообще “найти” нельзя» (одинокий волк)

То, что составляет особенную прелесть юности, часто является и причиной ее несчастий... В юности часто кажется, что тебя еще многое, многое ждет,

1. 1915-1916
Истинный художник не похвастается талантом, гордится талантом своего великого даря. Гордится талантом, у кого есть талант, но зато много с ним и борется. Только талант художника, который войдет талант в картину, талант, который выведет в картину своего друга, талант, который принесет в картину покой и мир. Ваш и художника друг талант, то все презрительное, низкое получит у него иной вид, потому что на него отразится прекрасная душа художника. Если же его рукою будет водить некое чувство, то ~~будет в нем отражение~~ ^{она} будет сводить на его создание. Для истинного художника искусство вещь и дороже всего на свете. Он часто бросается ради него во своих родных, указывает и предается ему вечно.

2
Написано
Дружба. Художник относится строго к себе и к людям много братски и много любит и любит природу. Он не дружится с природою, копирует природу. Художник прилепляется к ней, понимает ее, и только потом уже создает картину, по образу на ней. Художник не ищет работы только из материальных выгод, потому что от доброты подвигаются под костью, к искусственному времени и отдаленным людям. Он привлекает тогда к себе одиозных формистов, доживает их; талант его постепенно исчезает, и картина выйдя у него холодной, безразличной, так как он не может выразить в картину своей души, настроения и чувства.

1 Сочинение ученика Владивостонского коммерческого училища Фадеева

а между тем истинная большая любовь – редкость, она неповторима, утрата ее часто невознагражима совсем... Женская красота томила меня, но я никого не любил и, хотя я уже сам многим нравился, это отсутствие любви не позволило мне поступать так, как поступали многие юноши вокруг меня, т. е. сходиться без любви.

Я глубоко чувствовал возможность настоящей любви в своем сердце, и не находил этой любви, и жалел и себя и тех, кто разменивал свои чувства вместе со мной.

Жена моя, Валерия Анатольевна Герасимова, была человеком хорошим, незаурядным, – когда мы сходились, она уже была известна как писательница...

В 1932 году... мы разошлись навсегда... У меня сохранились с ней на всю жизнь дружеские отношения, но видимся мы очень редко, случайно.

Мне было очень трудно найти новую жизнь. Любовь вообще «найти» нельзя.

Придя к убеждению о необходимости переменить обстановку, я решил уехать на Дальний Восток.

Я остался совершенно одинок, детей у меня от первого брака не было, я не имел никаких обязанностей... и – совершенно свободный, несколько «разочарованный», что меня красило, – я вернулся на родину с намерением навсегда остаться в крае. И как же кровоточило мое сердце от невыносимого одиночества там, где каждый камень дома, поворот улицы, деревцо в саду напоминали мне о самых чистых днях, о поре самых больших мечтаний и надежд! ...Я мог часами лежать под солнцем на горячих досках, закрыв глаза, ощущая все тот же, что и в детстве, особенный, неповторимый – от обилия водорослей – запах тихоокеанской волны... Только я уже был другим и рядом со мной не было решительно никого из тех людей, которых я любил...

Мне некому было сказать: «А помнишь?» Я мог часами бродить по городу с грустно стесненным сердцем, предаваясь воспоминаниям в полном одиночестве...

Человек на середине между 30 и 40 годами – вполне уже зрелый человек и к тому же в самом расцвете деятельности. Но к тому времени он незаметно накапливает и немало житейского мусора. И в случае... личного душевного кризиса у него

↑ Здание штаба партизанских отрядов Спасско-Иманского военного района. Спасск-Дальний. Здесь Фадеев был ранен в 1920 году

меня... что... дело может кончиться просто гибелью дарования.

Нездоровые прорывы в моей работе бывали и раньше и сопровождают мою жизнь... В них много нездорового в силу их затяжного характера – это признаки алкоголизма.

Литературный труд обманчив: всякий пишущий человек... не имеет ясного представления о собственных способностях, часто склонен их преувеличивать.

Нельзя выпускать в свет и хвалить произведения только за «хорошую идею» или «революционную тему»... Нужно обязательно ставить требования высокого художественного мастерства. Надо объявить борьбу догматикам, которые стараются наше социалистическое искусство нивелировать, уравнивать, подогнать под одну мерку, хотя бы даже и хорошую... Люди должны говорить своим индивидуальным голосом.

Нужно внушать молодым кадрам мысль о том, что без освоения огромного классического наследства... невозможно движение вперед.

Я писал не действительную историю «Молодой гвардии», а художественное произведение, в кото-

ром много вымышленного и даже есть вымышленные лица.

Поскольку такая молодежь не выдумана мною, а действительно существует, ее смело можно называть надеждой человечества.

В сущности, я так мало написал в своей жизни!

«Я... остался... “человеком-учреждением”»
(чиновник)

Со дня выборов меня Генеральным секретарем Союза писателей в 1946 году я почти лишен возможности работать как писатель... Я не говорю уже о тех многих рассказах и повестях, которые заполняют меня и умирают во мне, не осуществленные. Я могу только рассказывать эти темы и сюжеты своим друзьям, превратившись из писателя в акына или ашуга... Я в течение вот уже шести лет ежедневно совершаю над собой недопустимое, противоестественное насилие, заставляя себя делать не то, что является самой лучшей и самой сильной стороной моей натуры.

Ко мне в должности Генерального секретаря нужно относиться как к неменяемому... Я постоян-

В летний вечерок от того места, где проходила Крестовка, чрез брусеную дверь прыкнул молнией — выскочил государственный прахик на Мудо-Важу. Визе со взгашенно ветром, опасаясь, что Левинсон не отыкается погубить в себе, казачи ударили засаду на са- мою итракцию, ввесах в вавилии от молота. Они предавали ^{тем} ~~раз~~ всю ночь, дождались отряда, и слышали отдаленные дудочные звуки. На рассвете буживали ветров с буживалии — ахвасты на море, и к. кеирирель, буживалии веру итракцию, идей по кадра- влению к нем. А чрез каких мигу, до гудеть минут более того, как прахика ветров, отряд Левинсона, ничего не убавили о злате и о ром, что мило гоняко. до промалаж кеирирельский ветров, пооре выдался на Мудо-Важский прахик.

↑ Рукопись «Разгрома»

но увлекаем стихией так называемых неотложных, т. е. суетных дел. Сейчас я уже вполне dospел до Канатчиковой дачи.

Я... остался по-прежнему очень несвободным, переобремененным заботами и очень зависимым от обстоятельств человеком, «человеком-учреждением».

В моей жизни я всегда и главным образом был виноват перед... работой. Когда надо было выбирать между работой и эфемерным общественным долгом, вроде многолетнего бесплодного «руководства» Союзом писателей... всегда, всю жизнь получалось так, что работа отступала у меня на второй план. Я прожил более чем сорок лет в предельной, непростительной, преступной небрежности к своему таланту... Бог дал мне душу, способную видеть, понимать, чувствовать добро, счастье, жизнь. Но, постоянно увлекаемый волнами жизни, не умеющий ограничивать себя, подчиняться велению разума, я... довожу это жизненное и доброе до его противоположности... Любому делу (к сожалению, кроме самого главного своего дела), любому человеку... я, по характеру своему, отдавал всего себя... Никто, решительно никто, никогда не понимал, не понимает и не может понять меня — не в том, что я талантлив, а в особенностях, в характере моей индивидуальности,

которая... слишком ранима... и поэтому нуждается в особенном отношении.

Я очень и очень боюсь парадной шумихи, которая многими и многими не может быть воспринята иначе, как шумиха, поднятая по моему собственному желанию... Как это ни нелепо, но... мне — автору лишь двух с трудом законченных произведений... — собираются посвятить труды размером в тридцать и больше печатных листов каждый... Я не могу позволить, чтобы меня ставили в такое глупое и пошлое положение...

Я категорически возражаю против устройства какого бы то ни было «приема» или «банкета»... в связи с датой моего пятидесятилетия...

Мне так безумно хочется в Приморье! Чем старше я становлюсь, тем чаще мысль моя бродит по детству, но юности. Не для того, чтобы уйти от настоящего, а просто для того, чтобы еще лучше осознать свой путь жизни и почерпнуть из прошлого — молодости, веры, бодрых сил и чистоты душевной.

Иной раз я испытываю просто тоску по Дальнему Востоку. И все-таки мне невозможно сейчас поехать...

1 Встреча старых партизан. Зоя Станнова, Фадеев, Моисей Губельман, дочь Сергея Лазо – Ада. Москва, 1952 год

сегодня хотя бы относительные образцы прозы, занимаются всем чем угодно, кроме художественной прозы.

Правильно ли мы используем те гигантские... силы, которые заложены в тысячах талантливых людей?.. Доверяем ли мы им в такой степени, как они того заслуживают? В полной ли мере развязали мы их общественную и творческую инициативу? Не слишком ли мы их «заопекали»? Не отучаем ли мы их от самостоятельного мышления, от хозяйского отношения к их собственному делу... не приучаем ли мы их к боязливой оглядке на... чиновников-функционеров, стоящих на неизмеримо более низком уровне, чем деятели искусства и литературы?..

Роман мой («Черная металлургия». – *Ред.*) уже поплыл как корабль, многое уже вчерне написано... не дать мне сейчас закончить этот роман – это то же самое, что насильственно задержать роды, воспрепятствовать родам. Но я тогда просто погибну как человек и как писатель, как погибла бы при подобных условиях роженица.

При всех моих болезнях я чувствую себя... человеком молодой души.

«Не вижу возможности дальше жить» (развязка)

Тот прекрасный чистый круг жизни, который был начат мною мальчиком, на Набережной улице (во Владивостоке. – *Ред.*)... уже завершен и... завершен не совсем так, как мечталось.

С какой грустью смотрю я теперь из 30-летнего далека на маленького умненького мальчика с большими ушами, как мне его бесконечно жаль...

Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии... Лучшие кадры литературы... физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих...

Литература – это святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун... раздался новый лозунг «Ату ее!»...

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине... какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

...Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом

